

*Посвящается Линетт. За
три года, пока я писал эту книгу,
ты не усомнилась во мне ни разу*

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Он очнулся в холодном мраке и вдохнул затхлый пыльный воздух. С этого мгновения для него началась новая жизнь.

Раздался громкий металлический стук; пол дрогнул и вдруг ушел из-под ног. От внезапного толчка он упал и, неуклюже барахтаясь, попытался встать. Несмотря на холод, лоб покрылся капельками пота. Поднявшись, он оперся спиной о твердую металлическую стену, какое-то время скользил вдоль нее, затем уткнулся в угол. Сполз на пол, прижал колени к груди и крепко обхватил их руками, надеясь, что глаза скоро привыкнут к темноте.

После очередного толчка комната начала двигаться вверх, точь-в-точь как старейший подъемник в горнорудной шахте.

Резкий скрежет цепей и вращающихся блоков, какой можно услышать лишь в цехах древнего завода, наполнил кабину, отражаясь от стен гулким эхом. Темный лифт продолжал подниматься, медленные покачивания взад-вперед вызывали тошноту. Со всем дурно стало, когда в нос ударил запах горелого машинного масла. Хотелось заплакать, но слезы не текли. Оставалось лишь сидеть и ждать.

.....
Меня зовут Томас, — мелькнула далекая мысль.
Единственное, что он смог о себе вспомнить.

Происходящее не укладывалось в голову. Томас пытался трезво оценить окружающую обстановку и найти выход из создавшегося положения. В сознание разом ворвалось целое море информации — факты, образы, воспоминания, детали окружающего мира и того, как в нем все устроено. Томас увидел снег на деревьях, устланную листьями дорогу, зеленый луг, освещенный бледным светом луны, шумную городскую площадь с сотнями людей; вспомнил о том, как ест гамбургер и плавает в озере.

Но как он оказался в темном лифте, кто его родители и кто он вообще такой, бедняга вспомнить не мог. Он даже фамилии своей не знал. В памяти всплывали образы каких-то людей, однако понять, кто они, не получалось, — вместо лиц виделись лишь расплывчатые цветочные пятна. Он безуспешно силился припомнить хотя бы одного знакомого человека или обрывок разговора.

Плавно покачиваясь, лифт продолжал подниматься. Томас перестал обращать внимание на противный скрежет цепей, тянувших кабину вверх. Казалось, прошло уже много времени; сколько — точно сказать было невозможно: минуты растянулись в часы, а каждая секунда длилась целую вечность.

Как ни странно, первоначальный страх улетучился, словно рой мошкары, сметенный порывом ветра, и теперь его место заняло сильное любопытство. Очень хотелось понять, где он очутился и что, собственно, происходит.

Издав скрип, а затем глухой металлический звук, кабина резко остановилась, и сидевшего в углу Томаса неожиданным рывком отбросило на середину

лифта. Опершись руками об пол, он явственно ощутил, что кабина постепенно перестает раскачиваться. Затем она окончательно замерла: наступила тишина.

Прошла минута. Еще одна. Томас покрутил головой. Темнота. Он снова ощупал стены, пытаясь найти выход — ничего, лишь холодный металл. От отчаяния Томас застонал, и эхо, отразившись от стен, показалось зловещим завыванием смерти. Наконец эхо смолкло, и вновь наступила тишина. Он опять закричал, позвал на помощь, заколотил кулаками в стены.

Ничего.

Томас съежился в углу, обхватив плечи руками и трясаясь от нахлынувшего страха. Сердце едва не выскакивало из груди.

— Кто-нибудь... помогите... помогите мне! — кричал он.

Каждое слово причиняло нестерпимую боль в горле.

Когда над головой раздался громкий лязг, Томас чуть не задохнулся. Он посмотрел вверх — потолок лифта разрезала тонкая полоска света, становившаяся все шире. Низкий скрипучий звук наводил на мысль о том, что кто-то с трудом поднимает тяжелые двойные створки. Томас отвернулся и заслонил лицо руками — после долгого времени, проведенного в крошечной темноте, яркий свет резал глаза.

Внутри все похолодело, когда он услышал над собой чьи-то голоса.

— Глянь-ка на этого шанка.

— Сколько ему лет?

— Выглядит как кланк, только в майке.

— Сам ты кланк, бабда стебанутая.

— Черт, у кого-то ноги воняют!

— Надеюсь, путешествие в один конец тебе понравилось, Шнурок.

— Точно, обратного билета уже не будет, брат.

Чувство полнейшего замешательства овладело Томасом. Странные голоса отдавались в голове эхом, некоторые слова он слышал впервые, другие казались отдаленно знакомыми. Прищурившись, он поднял голову к свету, чтобы понять, кто говорит. Поначалу Томас смог разглядеть лишь двигающиеся неясные силуэты, однако вскоре они оформились в человеческие фигуры — над люком в потолке лифта склонились люди и, глядя сверху вниз, указывали на него пальцами.

Зрение сфокусировалось — будто объектив фотокамеры: лица обрели резкость. Да, молодые парни — но разного возраста. Томас и сам толком не знал, что ожидал увидеть, однако отчего-то удивился: на него смотрели обычные подростки, почти дети. Страх немного отступил, хотя сердце продолжало бешено колотиться.

Кто-то сбросил вниз веревку с большой петлей на конце. Томас поколебался, затем просунул в петлю правую ступню, крепко ухватился за веревку, и его немедленно потащили наверх. К нему потянулись руки, множество рук, схватили за одежду и принялись вытаскивать из кабины. Все вокруг — лица людей, свет, яркие краски окружающего мира — замельтешило перед глазами, слившись в одно расплывчатое пятно. От нахлынувших эмоций свело живот и затошнило; хотелось кричать и плакать. Гул голосов утих, но когда ему помогли перебраться через острый край темной кабины, кто-то произнес:

— С прибытием, шанк. Добро пожаловать в Глэйд*.
Томас почему-то был уверен, что никогда не забудет эти слова.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Чьи-то руки поддерживали Томаса, пока он не смог стоять самостоятельно. Немного пошатываясь, ослепленный ярким светом, он отряхнул одежду. Его разбирало любопытство, но сильная слабость не позволяла толком рассмотреть, что происходит вокруг. Обступившие подростки молча наблюдали, как новичок крутит головой, пытаясь хоть что-то понять.

Под любопытными взглядами он сделал несколько неуверенных шагов. Раздались смешки, кто-то ткнул в Томаса пальцем. Тут было по меньшей мере полсотни человек самого разного роста, телосложения, возраста и национальности. Все с волосами разной длины и в грязной, пропитанной потом одежде, словно эти люди занимались тяжелым физическим трудом.

Ничего не понимая, Томас смотрел то на подростков, то на ландшафт необычного места, в котором очутился. Они находились в центре огромной площади размером с несколько футбольных полей, окруженной четырьмя циклопическими стенами из серого камня, местами густо увитыми плющом. Стены, высота которых, вероятно, была не меньше нескольких сотен футов, образовывали идеальный квадрат. В центре каждой из его сторон зиял проход

* Glade (англ.) — поляна, лужайка.

высотой во всю стену, ведущий, как отсюда показалось Томасу, в длинные ходы и коридоры.

— Гляньте на Салагу, — раздался скрипучий голос; Томас не видел, кто это произнес. — Ему так понравились новые апартаменты, что он сейчас шею свернет.

Несколько парней засмеялись.

— Захлопнись, Галли! — грубо рявкнул кто-то.

Томас снова перевел взгляд на окруживших его незнакомцев. Высокий белокурый парень с квадратной челюстью и безучастным лицом, глядя на него, хмыкнул. Другой, коренастый, смотрел на Томаса круглыми от удивления глазами, нервно переминаясь с ноги на ногу. Еще один, плотный мускулистый юноша с азиатской внешностью и высоко закатанными рукавами, обнажавшими бицепсы, также внимательно изучал Томаса. А темнокожий, тот самый, что поприветствовал Томаса, нахмурился. Остальные разглядывали Томаса с не меньшим интересом.

— Где я? — спросил Томас, поразившись забытому звуку собственного голоса.

— В дрянном местечке, — произнес темнокожий. — Расслабься и наслаждайся жизнью.

— Кто будет его куратором? — выкрикнули из толпы.

— Да ты только глянь на эту кучу кланка, балда стеганутая! Как пить дать, станет слопером!

Толпа отозвалась дружным смехом, как будто подростки в жизни не слышали ничего забавнее.

От обилия слов, значения которых Томас не понимал, он и вовсе растерялся. Шанк, кланк, куратор, слопер... Подростки обменивались этими словами с такой легкостью, что казалось странным, по-

.....
чему он их не понимает. Наверное, вместе с памятью он утратил и часть словарного запаса... Да, неприятно.

Смятение, любопытство, паника, страх — его переполняла целая гамма чувств. Но главенствовало все-таки тягостное ощущение безысходности, словно прошлая жизнь закончилась, была стерта из памяти и заменена чем-то пугающим. Хотелось убежать и спрятаться.

— ...даже в этом случае. Ставлю на кон свою печеньку, — донесся давешний скрипучий голос.

Томас по-прежнему не видел лица говорившего.

— Заткнитесь, я сказал! — прикрикнул темнокожий парень. — Еще одно слово — и следующий перерыв будет сокращен вполтину!

Должно быть, их главарь, решил Томас. Нескрываемое любопытство парней смущало, и он сосредоточился на осмотре места, которое темнокожий назвал Глэйдом.

Площадь была выложена массивными каменными блоками, из трещин и стыков которых торчали пучки высокой травы и бурьяна. В одном из углов площади находилась ветхая деревянная постройка странного вида, который сильно контрастировал с серой каменной стеной. Строение окружали несколько деревьев — их корни цеплялись за каменное основание, будто узловатые руки. В другом углу виднелось что-то вроде огорода — отсюда Томас смог разглядеть кукурузу, кусты томатов и какие-то фруктовые деревья.

В противоположной стороне он заметил небольшие дощатые загоны для овец, коров и свиней. Наконец, четвертый угол скрывали заросли деревьев; ближайшие были чахлыми — казалось, что они вот-

.....

вот засохнут. Было очень светло, однако солнца на голубом и безоблачном небе Томас не увидел. Ни о сторонах света, ни о времени по отбрасываемым стенами теням судить было невозможно — сейчас могло быть как раннее утро, так и поздний вечер. Пытаясь успокоиться, Томас глубоко вдохнул и уловил целый букет запахов: свежевспаханная почва, навоз, хвоя, что-то гниущее, какой-то приятный аромат. Почему-то он был уверен, что так пахнет ферма.

Томас снова посмотрел на пленивших его людей; несмотря на смущение, ему страшно хотелось буквально засыпать их вопросами.

Пленник, — подумал он. — Почему это слово всплыло в памяти?

Он всматривался в лица, стараясь оценить, с кем имеет дело. Глаза одного из юношей горели нескрываемой ненавистью, и Томас невольно поежился. У парня настолько злобный вид, что напади он сейчас на Томаса с ножом, тот бы несколько не удивился. Черные волосы юноши упали на глаза, он отбросил их назад резким движением головы, после чего развернулся и пошел к блестящему металлическому шесту рядом с деревянной лавкой. На вершину шеста пополз разноцветный флаг, вяло повисший в неподвижном воздухе.

Томас в изумлении наблюдал, как, подняв флаг, парень повернулся и сел на лавку. Томас быстро отвел глаза.

Внезапно лидер группы — на вид ему было лет семнадцать — сделал шаг вперед. Одет он был вполне привычно — в черную футболку, джинсы и кроссовки, на руке красовались электронные часы. Было странно видеть обычно одетого человека: Томас по-

.....

чему-то решил, что каждый здесь должен носить нечто более мрачное, что-то наподобие тюремной робы. Волосы темнокожего были коротко подстрижены, а лицо — тщательно выбрито. За исключением постоянно хмурого взгляда, в его облике не было ничего угрожающего.

— Это долгая история, шанк, — произнес он. — Постепенно ты все узнаешь — завтра я возьму тебя на экскурсию. А до тех пор... постарайся ничего не сломать. Я — Алби.

Протянув руку, темнокожий молча ждал рукопожатия.

Не отдавая себе отчета, Томас отвернулся от Алби, молча побрел к ближайшему дереву и сел под ним, опершись спиной о шершавый ствол. Его вновь охватил почти невыносимый страх, но он глубоко вдохнул и попытался заставить себя не паниковать. *Просто смирись. Если поддашься страху, не сможешь разобраться в ситуации.*

— Так расскажи, — произнес Томас срывающимся голосом. — Расскажи мне долгую историю!

Алби удивленно оглянулся на приятелей.

Томас снова окинул взглядом толпу: его первоначальная оценка оказалась верной — здесь было человек пятьдесят-шестьдесят самого разного возраста, как совсем еще дети, так и подростки постарше, вроде Алби. Тот выглядел одним из самых старших. И вдруг Томас с ужасом понял, что совсем не помнит, сколько лет ему самому.

— Нет, серьезно, — спросил он, оставив всякую попытку скрыть страх. — Где я?

Алби подошел к Томасу и сел напротив, скрестив ноги; за ним последовали и другие ребята, сгрудившись позади. Всем хотелось видеть говорящих

.....
получше, поэтому подростки толкались и вытягивали головы.

— Если тебе не страшно, — начал Алби, — значит, ты не нормальный человек, а псих. Будешь вести себя не как все — сброшу с Обрыва.

— Обрыва?.. — переспросил Томас, побледнев.

— Ладно, забей. — Алби потер глаза. — Невозможно объяснить все сразу, понимаешь? Мы тут не убиваем шанков вроде тебя. Гарантирую. Но тебе придется постараться не быть убитым. Или выжить. Называй как хочешь.

Алби умолк.

Томас почувствовал, как кровь отхлынула от лица.

— Слушай, — тяжело вздохнул Алби, проведя пальцами по коротко стриженным волосам, — я не силен в таких вещах. Ты у нас первый Салага с тех пор, как убили Ника.

От этих слов у Томаса перехватило дыхание.

Из толпы вышел какой-то парень и, подойдя к Алби, отвесил тому шуточный подзатыльник.

— Дождись, когда поведешь его на гребаную экскурсию, Алби, — произнес он хриплым голосом с необычным акцентом. — Не видишь, парень совсем перепугался? Первый раз слышит о таких вещах. — Он наклонился и протянул Томасу руку. — Меня зовут Ньют, и мы все будем очень признательны, Шнурок, если ты простишь нашего нового кланкового босса.

Томас пожал ему руку — в отличие от темнокожего, Ньют казался более дружелюбным. Ростом он был чуть выше Алби, но выглядел немного моложе — на год или около того. Длинные светлые волосы спадали по обтянутой футболкой спине, на мускулистых руках выступали вены.

— Брось, — проворчал Алби, жестом приглашая товарища сесть рядом. — Он понимает едва ли половину из того, что я говорю.

Раздались редкие смешки. Чтобы лучше слышать Ньюта и Алби, окружающие подступили почти вплотную к ним.

Алби широко развел руки ладонями вверх.

— Это место называется Глэйд. Здесь мы живем, едим и спим. Себя мы называем глэйдерами. Это все, что пока...

— Кто отправил меня сюда? — требовательно спросил Томас. Страх уступил место злости. — И как...

Не успел он договорить, как рука Алби метнулась к Томасу и ухватила его за майку.

— Поднимайся, шанк! Вставай! — Алби вскочил на ноги, потащив за собой Томаса.

Обескураженный Томас встал и пятился от надвигающегося на него Алби, пока не уперся спиной в дерево.

— Не стоит меня обрывать, щенок! — рявкнул Алби ему прямо в лицо. — Слушай, придурок, если бы мы рассказали тебе все сразу, ты наделал бы полные штаны кланка прямо тут, а то и вообще помер бы со страха! А потом чистильщики выкинули бы тебя куда подальше, потому что пользы от тебя уже не было бы никакой!

— Не врубаюсь, о чем ты толкуешь, — медленно произнес Томас, отметив, однако, что голос наконец-то обрел твердость.

К Алби подскочил Ньют и обхватил того за плечи.

— Остынь, Алби, только хуже сделаешь. Не понимаешь разве?

Тяжело дыша, Алби отпустил майку Томаса.